МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Научная статья
УДК 343.828
doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.133-141

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Юлия Александровна Головастова[1, 2], Татьяна Александровна Видова[3], Юлия Владимировна Митяева[4]
[1] Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, ugolovastova@yandex.ru
[2] Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, г. Рязань, Россия
[3, 4] Московский университет имени С. Ю. Витте, г. Рязань, Россия
[3] tatyanabron@yandex.ru
[4] jmitt@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются теоретические и практические проблемы, возникающие при исполнении применительно к невменяемым и прочим лицам принудительных мер медицинского характера. Представлена характеристика эволюции данных мер, современных подходов к оценке их сущности. Авторы рассматривают эти меры в качестве мер медико-социальной безопасности, приводят аргументы в поддержку своей позиции. Исследование завершается выводом о необходимости двухуровневой нормативной регламентации таких мер в рамках содержащего административно-правовые нормы профильного федерального закона.

Ключевые слова: принудительные меры медицинского характера, иная мера уголовно-правового характера, мера медико-социальной безопасности, невменяемый

Для цитирования
Головастова Ю. А., Видова Т. А., Митяева Ю. В. Принудительные меры медицинского характера: история, теория и практика применения // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 1. С. 133–141. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.133-141.

© Головастова Ю. А., Видова Т. А., Митяева Ю. В., 2025
Статья лицензируется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0

NTERSECTORAL ASPECTS OF SENTENCES EXECUTION

Original article

COMPULSORY MEDICAL MEASURES: HISTORY, THEORY AND PRACTICE OF APPLICATION

Yulia Aleksandrovna Golovastova[1, 2], Tatiana Aleksandrovna Vidova[3], Yulia Vladimirovna Mityaeva[4]

[1] Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, ugolovastova@yandex.ru
[2] Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russia
[3, 4] Moscow Witte University, Ryazan, Russia
[3] tatyanabron@yandex.ru
[4] jmitt@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the theoretical and practical problems that arise when performing compulsory medical measures against the insane and other persons. The article describes the evolution of these measures and modern approaches to assessing their essence. The authors consider these measures as measures of medical and social security, and provide arguments in support of their position. The study concludes with the finding that there is a need for two-level regulatory regulation of such measures within the framework of the relevant federal law containing administrative and legal norms.

Keywords: compulsory medical measures, other measure of a criminal-legal nature, measure of medical and social security, insane

For citation

Golovastova, Yu. A., Vidova, T. A. & Mityaeva, Yu. V. 2025, 'Compulsory medical measures: history, theory and practice of application', *Penal law,* vol. 20(1–4), iss. 1, pp. 133–141, doi: 10.33463/2687-122X.2024.20(1-4).1.133-141.

Институт принудительных мер медицинского характера характеризуется продолжительной эволюцией. Необходимо обратить внимание на противоречивость отношения к лицам с психическими заболеваниями в процессе развития отечественного уголовного законодательства. На протяжении длительного периода религиозные факторы имели ведущее значение, тогда как роль правовых средств являлась второстепенной.

Лица с психическими заболеваниями рассматривались на Руси в период Средневековья в качестве одержимых бесами в силу Божьего попущения. С учетом этого обстоятельства участь таких «блаженных» определялась церковью. Если подобные лица совершали преступные деяния, в отношении них преимущественно осуществлялись меры по «изгнанию бесов» при помещении в монастыри [1, с. 13]. Таким образом, данные меры сопровождались изоляцией от общества. При этом возможно было применение пыток, казни в ситуациях, когда действия лиц были богохульственными либо антигосударственными.

Лишь во второй половине семнадцатого столетия государственная власть попыталась нормативно урегулировать отношение к лицам с психическими заболеваниями, которые совершили преступные деяния. В датированных 1669 г. Новоуказных статьях о татебных, разбойных и убийственных делах предусматривалось, что при совершении убийства лица указанной категории освобождаются от ответственности[1]. При этом, как и ранее, они помещались в монастыри.

Развитие медицинских знаний обусловило формирование в следующем столетии подхода к указанным лицам как к имеющим нарушения психики, в отношении которых необходимо лечение. При этом применение прежних мер не прекращалось, поскольку квалифицированные специалисты и больницы отсутствовали. Существенные изменения связаны с изданием Екатериной II в 1766 г. указа, предусматривающего создание особых светских лечебниц для лиц с психическими заболеваниями, совершивших правонарушения. При этом функция излечения являлась в подобных учреждениях второстепенной, первичной была функция изоляции от общества.

Приказы общественного призрения были учреждены в 1775 г., и с этой датой принято соотносить начало применения в отношении лиц с нарушениями психики мер, имеющих медицинский характер. Передача церкви лиц указанной категории для присмотра и содержания официально прекращается. При этом нормативные положения, регулирующие меры, подлежащие применению к лицам с нарушениями психики, совершившим правонарушения, отсутствовали.

Впервые освобождение лиц с психическими заболеваниями, совершивших различные разновидности преступных деяний, от уголовной ответственности было предусмотрено в Своде законов 1832 г. Причинившее смерть другому человеку лицо, являющееся сумасшедшим, безумным, в принудительном порядке направлялось для лечения.

Были введены дефиниции таких понятий, как «безумный», «сумасшедший». Применительно к данным лицам предусматривалась продолжительность лечения. Законодатель на первый план выдвигал цель не лечения, а защиты общества от совершения такими лицами деяний, являющихся преступными. В дальнейшем в связи с разработкой в 1866 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, в 1903 г. – Уголовного уложения соответствующие законодательные положения были расширены.

После октябрьских событий 1917 г. сформировался более детальный подход к лицам с нарушениями психики и мерам, которые следует применять в отношении них в случае совершения преступных деяний. Ненаказуемость лиц с психическими заболеваниями была четко определена в Уголовном кодексе (УК) РСФСР 1922 г. Касательно данных лиц была предусмотрена необходимость применения лечения, являющегося принудительным, с направлением в психиатрические лечебницы. Уголовный кодекс 1926 г. содержал дифференцированные медицинские меры социальной защиты, лица соответствующей категории направлялись в общие психиатрические лечебницы для лечения в принудительном порядке.

В тридцатых годах прошлого столетия политический режим ужесточился и назначение принудительных мер медицинского характера осуществлялось в отсутствие проведения судебно-психиатрического обследования и судебных решений. Сформировалась практика применения принудительного лечения для противодействия противникам государственной власти.

[1] См.: Информационно-правовой портал "Гарант. ру". URL: https://base.garant.ru/55097777 (дата обращения: 17.12.2024).

В 1935 г. назначение и отмена указанных мер были отнесены к исключительной компетенции судебных органов. В дальнейшем в законодательстве усиливалась детализация определения оснований применяемого к лицам с психическими заболеваниями принудительного лечения. Были детализированы категории лиц и реализующие принудительные меры медицинского характера учреждения лечебного профиля. Уточнен порядок осуществления, продления и прекращения данных мер. Соответствующие положения были зафиксированы в Законе РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», регламентирующем психиатрическую помощь и гарантии имеющихся у граждан прав при ее предоставлении.

На данный момент в отношении лиц с психическими заболеваниями одновременно применяются гуманистический и более строгий подходы. Проявлением первого является содержащаяся в действующем уголовном законе ст. 98, предусматривающая, что принудительные меры медицинского характера применяются, в частности, чтобы улучшить состояние психики лиц, способствовать их излечению. Второй связан с применением к совершившим преступные деяния лицам с психическими заболеваниями более строгих мер. Примером служит Федеральный закон от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних», который для усиления ответственности за половые преступления применительно к лицам, не достигшим совершеннолетнего возраста, предусмотрел внесение изменений в УК РФ и прочие нормативно-правовые акты.

Существует много вопросов, которые продолжают оставаться предметом полемики. Они связаны с основаниями, наличие которых обусловливает применение принудительных мер медицинского характера. Например, однозначно не решен вопрос о том, возможно ли признать субъектом уголовно-исполнительного права лицо, у которого отсутствует вменяемость и которое не является субъектом уголовной ответственности. Представляется необходимым принимать во внимание то, что невменяемый характеризуется особой правосубъектностью, отсутствием способности выступать в качестве носителя статуса осужденного.

Степень разработанности сущности анализируемых мер в отечественном праве является недостаточной. Причины этой ситуации состоят в следующем: назначение указанных мер сопровождается решением медицинских вопросов наряду с юридическими; регулирование данных мер является комплексной задачей, которая связана с действием норм таких отраслей права, как административное, уголовное, уголовно-исполнительное, уголовно-процессуальное; цели и задачи субъектов не регламентированы с должной точностью, характеризуются непоследовательностью.

Существуют противоречивые подходы к трактовке сущности анализируемых мер, их содержания. Некоторые исследователи придерживаются подхода, представленного в гл. 15 уголовного закона, и полагают, что данные меры являются «иными мерами», а их сущность – уголовно-правовая [2, с. 173–186; 3, с. 22–133].

Имеет место мнение, согласно которому принудительные меры медицинского характера основаны на интеграции правовых и медицинских мер, поэтому существует потребность в их межотраслевой комплексной регламентации [4, с. 79–83; 5, с. 306–311]. Иногда принудительные меры медицинского характера трактуют как меры безопасности [6, с. 37; 7, с. 101–111], поскольку они ориентированы на то, чтобы обезопасить общество от лиц, которым требуется лечение.

Необходимо обратить внимание и на мнение ряда авторов, указывающих на то, что несмотря на расположение принудительных мер медицинского характера в уголовном законе, к числу «иных мер» они не относятся. При этом обоснованно отмечается, что по закону их применение возможно лишь в случае совершения преступлений, однако назначаются они лицу, совершившему деяние, сопряженное с общественной опасностью, но не обладающему вменяемостью.

Фактически ситуация складывается следующая – анализируемые меры предусмотрены в уголовном законе в шестом разделе, при этом их назначение осуществляется в отношении лиц, совершивших деяния общественно опасного характера. В соответствии с отечественным законодательством к категории субъектов преступления лица, которые характеризуются отсутствием вменяемости, не относятся. Они не могут являться также субъектами уголовной ответственности и осужденными. Следовательно, если применение «иных мер» осуществляется лишь в случае совершения преступного посягательства, невозможно объяснить, в связи с чем они предусмотрены шестым разделом УК РФ. При таком подходе логичным будет являться их фиксация в ином акте, вне УК РФ [8, с. 50].

В качестве исключающего наступление уголовной ответственности обстоятельства выступает в том числе отсутствие вменяемости. Ряд исследователей обоснованно полагают, что законодатель ошибочно включил указанные меры в шестой раздел уголовного закона [9, с. 10–16]. Это мнение видится состоятельным. Следует отметить, что данные меры не входят в число «иных мер». Таким образом, существует потребность в том, чтобы обособить принудительные меры медицинского характера в уголовном законе. В этом случае требуется определить, какие источники должны регламентировать назначение не обладающим вменяемостью лицам указанных мер и их исполнение.

Представляется теоретически и практически значимым включить принудительные меры медицинского характера в комплекс мер, связанных с государственно-правовым воздействием. При этом можно определить обстоятельства, обусловливающие отсутствие четких указаний в Уголовно-исполнительном кодексе РФ в отношении порядка исполнения данных мер.

Законодатель не придерживается последовательного и однозначного подхода в определении сущности принудительных мер медицинского характера. Назначение «иных мер» возможно лишь в случае, если совершено преступное деяние. Уголовный закон содержит четкое указание по данному вопросу в ч. 2 ст. 2.

Лицо, которое, будучи невменяемым, совершило деяние, являющееся противоправным, общественно опасным, характеризуется особым правовым положением, которое выходит за рамки нормативной регламентации уголовно-правовых отношений охранительного характера [10, с. 19–21]. Речь идет об обстоятельстве, исключающем наступление уголовной ответственности, состоящем в отсутствии вменяемости. Если лицо не обладает вменяемостью, обязанности нести уголовную ответственность у него нет и уголовно-правовое отношение охранительного характера прекращается. Существующее противоречие обусловлено, по нашему мнению, тем, что принудительные меры медицинского характера безосновательно включены в категорию «иных мер».

На основании изложенного применять вне охранительных уголовно-правовых отношений анализируемые меры как «иные меры» невозможно. Следовательно, указанные меры в отношении не обладающих вменяемостью лиц характеризуются выраженными особенностями и являются мерами медико-социальной безопасности.

Лица, в отношении которых применяются данные меры, представлены также лицами, у которых имеются не исключающие наличие вменяемости расстройства психики и которые совершили преступные деяния; лицами, наступление у которых расстройства психики произошло при отбывании наказания; лицами, наступление у которых расстройства психики произошло после того, как было совершено преступное деяние, что исключило возможность назначения им наказания и его исполнения.

В последнем случае лицо рассматривается в качестве несудимого, целесообразность в назначении наказания отсутствует. В ситуации, когда при исполнении наказания возникло расстройство психики, фактически производится освобождение осужденного от отбывания наказания в связи с наличием заболевания.

Если у лица имеется расстройство психики, при котором вменяемость сохраняется, оно относится к сфере действия уголовно-правовых отношений охранительного характера и существуют отношения судимости. К осужденному фактически применяются две имеющие уголовный характер иные меры. Представляется, что налицо выраженное противоречие. При этом цели соответствующих мер являются различными. Представленные соображения также могут использоваться в качестве аргумента позиции, согласно которой анализируемые меры в категорию «иных мер» не входят.

Подобный осужденный представляет собой субъект отбывания наказания, а также субъект применения анализируемых мер, к которому применяются средства коррекции исправления и меры обеспечения медико-социальной безопасности.

Представляется обоснованным подход специалистов в сферах уголовно-исполнительного, уголовного права, указывающих на возможность применения не предусматривающих форму реализации уголовной ответственности и имеющих уголовно-правовой характер мер как за поведение, являющееся преступным, так и за уголовно-противоправное поведение [10, с. 19–21] (применительно к анализируемой ситуации речь идет о совершаемой не обладающим вменяемостью лицом противоправной деятельности). При этом соответствующие меры следует дифференцировать с прочими имеющими уголовно-правовой характер мерами, исполнение которых относится к предмету уголовно-исполнительного права [11, с. 78].

Соответствующие меры связаны с наличием такого процессуального субъекта, как осужденный. В противном случае существует потребность в расширении спектра существующих в уголовно-исполнительном праве субъектов с включением в него как лиц, у которых отсутствует вменяемость, так и прочих, не относящихся к категории субъектов уголовной ответственности лиц. Подобный подход не соотносится с традиционными представлениями в отношении действия уголовно-исполнительного закона по кругу лиц и стадиями реализации уголовной ответственности.

На основании изложенного представляется необходимым предусмотреть в федеральном законе положения об исполнении указанных мер. Регулирование данных вопросов соотносится с административным судопроизводством. Видится возможным регулирование в гл. 30 Кодекса административного производства (КАС) РФ вопросов, относящихся к сокращению, продлению срока пребывания в учреждениях психиатрического профиля при применении принудительных мер медицинского характера.

Ранее было отмечено, что анализируемые субъекты уголовной ответственности не несут, в связи с этим охранительных отношений в уголовно-исполнительном праве не существует. При этом следует отметить переход указанных отношений на уровень, являющийся административно-правовым. С учетом данного обстоятельства требуется принимать во

внимание потребность в регламентации посредством административно-правовых норм вопросов, связанных с исполнением исследуемых мер, их сокращением, прекращением.

Необходимо также обратить внимание на следующее. В случае если регулирование исполнения принудительных мер медицинского характера применительно к лицам, не обладающим вменяемостью, относится к предмету административного права, назначение соответствующих мер (с учетом того, что лицо совершает деяние, являющееся уголовно-противоправным) относится к предмету такой отрасли права, как уголовно-процессуальное. Суд на основе признания доказанности предъявленных прокурором обстоятельств выносит постановление, предусматривающее отсутствие привлечения к ответственности соответствующего лица. При этом необходимо учитывать, что в данном случае присутствует основание, не имеющее реабилитирующего характера. Реабилитация возможна лишь применительно к лицу, не являющемуся виновным. Исходя из вышеизложенного лицо, которое не обладает вменяемостью, не представляет опасности, не может быть реабилитировано.

Следует также отметить прекращение уголовно-процессуальных отношений после того, как дело в отношении не обладающего вменяемостью лица прекращается. При этом особенности заболевания не имеют значения. Происходит переход отношений в административно-правовую сферу.

Представляется, что регулирование вопросов, относящихся к продлению и сокращению периода пребывания вышеуказанных лиц в учреждениях психиатрического профиля, может быть регламентировано положениями гл. 30 КАС РФ.

Принимая во внимание представленный анализ, уместно отметить, что вопросы о правовой сущности принудительных мер медицинского характера относятся и к административному праву, и не ограничиваются пределами относящихся к уголовно-правовому комплексу отраслей.

Список источников

1. Горшков М. М., Гутникова О. И., Едомский Е. А. Исторический обзор формирования в России института принудительных мер медицинского характера // Омский психиатрический журнал. 2020. № 1(23). С. 13–17.

2. Полубинская С. В. Назначение принудительных мер медицинского характера // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 4. С. 173–186.

3. Спасенников Б. А. Принудительные меры медицинского характера. СПб. : Юридический центр – Пресс, 2003. 412 с.

4. Белик Ю. С. Проблемы применения норм о принудительных мерах медицинского характера // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 1. С. 79–83.

5. Сверчков С. С. Факторы, влияющие на обоснованность применения принудительных мер медицинского характера // Юридическая техника. 2013. № 7, Ч. 1. С. 306–311.

6. Горобцов В. И. Принудительные меры медицинского характера в отношении психически больных по УК РФ : учеб. пособие. Красноярск, 1998. 59 с.

7. Назаренко Г. В. Принудительные меры медицинского воздействия: раздел «меры общественной безопасности» // Lex Russica. 2017. № 8(129). С. 101–111.

8. Пудовочкин Ю. Е. Система мер уголовно-правового характера // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 1. С. 46–54.

9. Бойко А. И., Голик Ю. В., Елисеев С. А. Ошибки в Уголовном кодексе // Российская газета. 2010. 10 июня. С. 10–16.

10. Звечаровский И. Э. Понятие мер уголовно-правового характера // Законность. 2007. № 1(867). С. 19–21.

11. Головастова Ю. А. Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права: предмет, метод, источники, система : монография. М. : Юриспруденция, 2019. 560 с.

References

1. Gorshkov, M. M., Gutnikova, O. I. & Edomsky, E. A. 2020, 'Historical review of the formation of the institute of compulsory medical measures in Russia', *Omsk Psychiatric Journal,* iss. 1(23), pp. 13–17.

2. Polubinskaya, S. V. 2016, 'The appointment of compulsory medical measures', *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,* iss 4, pp. 173–186.

3. Spasennikov, B. A. 2003, *Compulsory medical measures,* Law Center – Press, St. Petersburg.

4. Belik, Yu. S. 2016, 'Problems of the application of norms on compulsory medical measures', *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,* iss. 1, pp. 79–83.

5. Sverchkov, S. S. 2013, 'Factors influencing the validity of the use of compulsory medical measures', *Legal technology,* iss. 7, part 1, pp. 306–311.

6. Gorobtsov, V. I. 1998, *Compulsory medical measures against mentally ill persons under the Criminal Code of the Russian Federation: textbook,* Krasnoyarsk.

7. Nazarenko, G. V. 2017, 'Compulsory medical measures: section "public safety measures"', *Lex Russica,* iss. 8(129), pp. 101–111.

8. Pudovochkin, Yu. E. 2021, 'System of criminal law measures', *Law Bulletin of Kuban State University,* iss. 1, pp. 46–54.

9. Boyko, A. I., Golik, Yu. V. & Eliseev, S. A. 2010, 'Errors in the Criminal Code', *Rossiyskaya gazeta,* June 10, pp. 10–16.

10. Zvecharovsky, I. E. 2007, 'The concept of criminal law measures', *Legality,* iss. 1(867), pp. 19–21.

11. Golovastova, Yu. A. 2019, *Penal law as a branch of Russian law: subject, method, sources, system: monograph,* Jurisprudence, Moscow.

Информация об авторах

Ю. А. Головастова – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными (Академия ФСИН России); профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина);

Т. А. Видова – кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой гражданско-правовых дисциплин;

Ю. В. Митяева – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин.

Information about the authors

Yu. A. Golovastova – Sc.D (Law), Associate Professor, professor of the penal law and organization of educational work with convicts department (Academy of the FPS of Russia); professor of the criminal law disciplines department (Ryazan State University named after S. A. Yesenin);

T. A. Vidova – PhD (Historical Sciences), Associate Professor, Deputy Head of the Civil Law Disciplines Department;
Yu. V. Mityaeva – PhD (Political Sciences), Associate Professor, associate professor of the civil law disciplines department.

Примечание
Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 10.01.2025; одобрена после рецензирования 15.02.2025; принята к публикации 25.02.2025.
The article was submitted 10.01.2025; approved after reviewing 15.02.2025; accepted for publication 25.02.2025.